

Марианна ВЕРТИНСКАЯ: «ПАПА ВЕНЧАЛСЯ С МАМОЙ В ШАНХАЕ»

Известную фамилию ей и сестре подарил отец, великий российский невец, поэт и актер Александр Вертинский. А потом всю жизнь Марианне приходилось доказывать, что пословица о том, что природа отдыхает на втором поколении, верна не всегда.

— Марианна Александровна, насколько вашу судьбу определил отец и его слава?

— Папа очень много нам дал с сестрой в смысле работоспособности, творческой отдачи и влюбленности в свою профессию. В России все знают, кто такой Вертинский. К нам с Настей отношение всегда было ласковое, нежное, как к дочкам Вертинского.

— Откуда такое романтическое имя — Марианна?

— Когда я родилась, отец с мамой жили в Шанхае. Там мама посмотрела американский фильм «Робин Гуд». У героя была возлюбленная по имени Марианна. В честь нее меня и назвали. Удивительно, что много лет спустя я вышла замуж за Бориса Хмельницкого, который играл в кино Робина Гуда.

— Ваша мама грузинка?

— Ее отец грузин из Мингрелии. Мингрелы обычно блондины с голубыми глазами.

— Вы блондинка, и у вас голубые глаза.

— Папа считал, что я похожа на его мать, которая умерла, когда ему было три года. У нее, единственной в семье, был вздернутый нос. Папина тетка происходила из рода Гоголей-Яновских. Папа даже чем-то похож на Гоголя.

— Актерство в вашей судьбе возникло, вероятно, самым естественным образом. Как продолжение семейной традиции...

— Так и было. Уже в восемнадцать меня снял Эфрос в «Високосном годе», и тогда же

я начала сниматься в «Заставе Ильича» у Худиева. А уже потом была учеба в Шуйкинском, приход на сцену Театра Вахтангова...

— Как складывалась ваша личная жизнь?

— Довольно бурно. Уже в ранней юности я попала в потрясающую компанию — Андрей Тарковский, Андрон Кончаловский, Юлик Файт, Гена Шпаликов... Весь цвет тогдашней молодой интеллигенции. Я сидела и слушала их, буквально разинув рот. Они читали свои произведения, мы это обсуждали, спорили до упаду. Все вечера проводили вместе, ездили за город. Тогда же начался мой первый серьезный роман с Андроном Кончаловским.

— Он тогда, кажется, был несвободен?

— Нет, он уже развелся тогда с Ириной Кондат, своей первой женой, балериной Большого театра. У нас с Андроном даже был назначен день свадьбы, но все сложилось иначе.

— А как сложилось?

— В общем, у меня началась долгая связь с Андреем Тарковским.

— Он был женат тогда на Ирме Рауш?

— Они то сходились, то расходились. А я ему нравилась, он всегда любил голубоглазых блондинок в веснушках с розовой кожей, это его идеал на протяжении жизни.

— Но браком это не закончилось.

— Андрей вернулся к Ирме. А я увлеклась оператором Сашей Княжинским, он снимал меня в фильме «Город масте-

ров». Мы были вместе года два. Потом — роман с художником Львом Збарским, год с чем-то. Мы с ним сняли дачу и жили там зимой, а потом переехали ко мне и там уже не ужились. А дальше я вышла замуж за Левиного друга Илью Былинкина. Это был мой первый официальный брак. Илья — архитектор, из очень известной интеллигентной архитектурской семьи. Я родила дочку Сашу, с Ильей мы прожили шесть лет. Разошлись потому, что я влюбилась в оператора Гошу Рерберга. Разменяли квартиру, и я получила двухкомнатную на Чехова. Там мы жили с Гошей и Сашенькой около двух лет.

— Младшая дочь у вас от Бориса Хмельницкого?

— Когда сидела и переживала разрыв с Гошей, появился Боря Хмельницкий. Стал меня куда-то вытаскивать, отвлекать... Собственно, не появлялся, он всегда был. Мы учились на одном курсе. Он всегда за мной ухаживал и ждал, когда у меня случится пауза. Я забеременела почти сразу и родила Дашу. Мы снова поменяли квартиру, на трехкомнатную на Нижней Масловке, и жили там четвером. Это длилось года полтора. Но Боря был все время занят, уезжал, зарабатывал на семью, а меня оставил на друга, переводчика Андрея Эльдарова. Андрей каждый день ездил за молоком для Дашеньки, привозил продукты, старался меня развлечь. Ну, карты смешались, я уже запуталась, кто мой муж... Хотя мы с Андреем очень быстро расстались, Боря никогда ему не простил.

Он считал, что друзья так не поступают.

— После Хмельницкого у вас был еще один муж...

— Да, югослав Зоран Казмирович. Он финансист по профессии, вырос в России, работал в Англии. На десять лет моложе меня. Пять лет у нас был роман, потом поженились и прожили восемь лет.

— А почему расстались с Зораном?

— Сначала он хотел вернуться в Югославию, но для меня это было невозможно. Потом Зоран очень хотел детей, а мне уже было как следует за сорок. В общем, у нас ничего не вышло.

— Говорят, идеальным мужчиной женщина считает человека, похожего по характеру на отца.

— Верно, в каждом мужчине я искала что-то от папы и влюблялась в это. В Илоше — это какая-то внутренняя порядочность, в Боре — безумная доброта, в ком-то другом — артистизм. А главное, я всегда искала людей с открытой душой.

— Сейчас вы одна. Как переносите одиночество?

— Сначала было трудно, случались депрессии. Но, знаете ли, помогает работа, дело. Сейчас главное дело моей жизни — издать собрание сочинений отца. Книга о нем, вышедшая еще в годы перестройки, была неполной. О многом тогда еще боялись говорить. А есть еще его роман, потрясающий сценарий об эмигрантах, письма... Но я никак не могу найти денег на это издание.